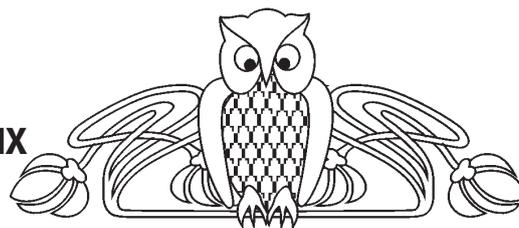

УДК 94(470)16/18

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС, КРЫМСКАЯ ВОЙНА И КОНЕЦ «СВЯЩЕННОГО АЛЬЯНСА» В АВСТРИЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Е. В. Сироткина

Сироткина Евгения Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Тамбовский филиал), evgsirotkina@yandex.ru

В статье рассматриваются причина краха Венской системы и Священного союза в ходе обострения Восточного вопроса и Крымской войны 1853–1856 гг. Автор подчеркивает старания руководства внешней политики Австрии сохранить австрийско-российские отношения на первом этапе Крымской войны и в конечном итоге стратегическую ошибочность курса Австрии, приведшего ее к изоляции.

Ключевые слова: австрийско-российские отношения, Восточный кризис, Крымская война.

The Eastern Question, the Crimean War and the End of the «Holy Alliance» in Austrian-Russian Relations

E. V. Sirotkina

Evgeniya V. Sirotkina, ORCID 0000-0002-8905-6996, Tambov branch of the Russian Academy of national economy and public administration of the President of the Russian Federation, 14 a, Morshanskoe Shosse, Tambov, 392008, Russia, evgsirotkina@yandex.ru

The article discusses the reason for the collapse of the Vienna system and the Holy Alliance, during the exacerbation of the Eastern question and the Crimean war of 1853–1856. The author emphasizes the efforts of the Austrian foreign policy leaders to save the Austrian-Russian relations in the first phase of the Crimean war and, ultimately, the strategic fallacy of course Austria, which led her to isolation.

Key words: Austrian-Russian relations, Eastern crisis, Crimean war.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-77-83

Восточный вопрос оставался одной из самых долговременных и сложных проблем в австрийско-российских отношениях в XIX столетии, и именно он станет причиной крушения, казалось бы, крепкого международного союза двух континентальных европейских империй.

Накануне возникновения Восточного кризиса середины 1850-х гг. в Австрии произошли значительные изменения в руководстве внешней политикой. 5 апреля 1852 г. прямо во время заседания Совета министров умер от апоплексического удара князь Шварценберг. Смерть Шварценберга – выдающегося государственного деятеля, которым юный император искренне восхищался и которому во многом, подобно отцу, подражал, – стала для Франца Иосифа весьма печальным событием, но в то же время и осво-

бождением от опеки¹. Само собой разумеется, Франц Иосиф считал внешнюю политику именно той областью, которая согласно всем классическим канонам должна быть вотчиной монарха. Так что император, не колеблясь ни минуты, сам заполнил образовавшийся вакуум и был настолько уверен в себе, что открыто заявил о своем намерении впредь самостоятельно руководить политикой, продолжая дело Шварценберга.

Внешняя политика Франца Иосифа будет проводиться под знаком двух фундаментальных и роковых ошибок в оценке ситуации: переоценке сил и мощи Австрии и иллюзий относительно ее влияния в Германском союзе. Император был юн и неопытен, а юности присущи оптимизм и склонность верить и действовать без излишних сомнений и размышлений. К этому следует добавить впечатления от успешного подавления революции военной силой, от удачного исхода смелого дипломатического наступления, в результате которого удалось сохранить и укрепить внешнеполитические позиции монархии, от прекрасноречивых речей реформаторов о предстоящих преобразованиях в Центральной Европе. Все это в сочетании с приверженностью династическому принципу и верой в силу солидарности консервативных режимов и определило стратегические линии в политике Австрии².

Во время как в российской историографии существует относительное единство мнений о том, что именно Николай I являлся лидером внешней политики Российского государства, а канцлер К. В. Нессельроде оставался лишь «ведомым» в этом тандеме³, общности взглядов среди австрийских историков на то, кто именно несет большую ответственность за крах австрийской внешней политики в это десятилетие – Франц Иосиф или его министр Карл Фердинанд граф Буоль-Шауэнштайн – до сих пор нет. Так, Б. Ункель в своей работе «Австрия и Крымская война. Исследования политики Дунайской монархии в 1852–1856 гг.» утверждает, что именно «император был своим собственным министром иностранных дел»⁴. По его мнению, вина за события Крымской войны для Австрии не может быть возложена на одного Буоля. «Ответственность, – пишет он, – прежде всего ложится на императора, который руководствовался, конечно, юношеской неопытностью и прислушивался к мнению той партии, которая подталкивала его к авантюрам с неизвестным исходом, в то время как Монархия находилась в тяжелом состоянии»⁵. Его оппонент В. Хайндль

в своем труде «Граф Буоль-Шауэнштайн в Санкт-Петербурге и Лондоне (1848–1852). О генезисе антагонизма между Австрией и Россией», напротив, доказывает, что «Франц Иосиф предоставлял своему министру иностранных дел свободу действий», и тот всегда имел возможность влиять на формирование внешнеполитического курса Австрии⁶.

Восточный кризис 50-х гг. XIX в. нес в себе для Австрии и ее руководителей одни только трудности. Они считали важной традиционную дружбу с Россией, одновременно опасаясь, что продвижение русских на Балканы может вызвать беспокойство среди славянского населения Австрийской империи. Русская политика была нацелена на восстание южных славян, а это означало бы разрушение существующего порядка. Заботило и другое: а вдруг выступление на стороне своего «старого друга» России в Крыму даст Франции предлог напасть на итальянские территории Австрии. О наличии этой угрозы свидетельствовала продолжительная поездка по Италии осенью 1853 г. французского министра иностранных дел Бренье, демонстративно подготавливавшего создание Французской лиги⁷. Перед Австрией стояла и еще более неотложная проблема: поскольку ее торговля с внешним миром шла главным образом по Дунаю, она не могла допустить пребывания русских в Дунайских княжествах.

И все же Австрия не хотела войны с Россией – войны, в которой она должна была принять на себя главный удар. Она желала невозможного, чтобы Николай I отказался от своих требований к Турции, не считая себя при этом униженным. Отсюда усилия Австрии придумать план, который удовлетворил бы царя, но сохранил независимость Турции – политика, которая закончилась бы обманом или попыткой обмануть обе стороны.

Имеющиеся источники подтверждают, что министр иностранных дел Австрии Буоль до марта 1854 г. не имел никаких причин желать войны, напротив, он делал все для того, чтобы добиться мирного разрешения конфликта⁸. К основным приоритетам внешней политики Австрии в этот период по-прежнему относились: сохранение Османской империи, европейского равновесия и мира в целом. Эту программу Буоль заимствовал у своего предшественника Меттерниха. Меттерних, в свою очередь, писал Буолю: «Австрия может желать только сохранения Турецкой империи в Европе, не из-за пристрастия к последней, а вследствие того, что от любого иного соседства потерпит одни только убытки, а через его территориальное расширение – издержки, ничего не приобретя взамен»⁹. (Очевидно, что Меттерних при этом имел в виду опасное соседство Российской империи. – *Е. С.*)

С самого начала Австрия заявила о своем нейтралитете, что было разумным шагом. В соответствии с сохранением принципов европейского мира и политического равновесия Буоль

попытался, как только к нему пришло понимание всей серьезности осложнения восточного вопроса, т. е. с мая 1853 г., взять на себя роль посредника между Санкт-Петербургом, Константинополем, Парижем и Лондоном. Это было обусловлено его опасениями, что Австрия просто окажется неспособна пережить европейскую войну. «Мы пытаемся умиротворить все стороны и избежать европейского осложнения, которое *прежде всего* может всей своей тяжестью пасть на Нас»¹⁰, – писал Буоль 1 июля 1853 г. (курсив автора. – *Е. С.*)

14 июня 1853 г., когда разрыв между Россией и Турцией уже стал очевидным, Буоль писал австрийскому послу в Берлине Фридриху Туну: «Мы не преследуем на Востоке никакой иной цели, кроме как сохранение Османской империи, а также связанных с этим политического равновесия и внешнего и внутреннего мира среди европейских соседей»¹¹. В этом же письме Буоль высказывает опасение, что военное противостояние на Востоке способно снова оживить силы революции. Опасения своего министра иностранных дел разделял и Франц Иосиф. В июле 1853 г. австрийский император назвал революцию «худшим наследственным врагом для христианского мира, чем турки»¹².

Со своей стороны Николай I предпринимает попытки окончательно привлечь Австрию на свою сторону. В двух личных посланиях к Францу Иосифу, а также через своего посла в Вене он делает Австрии заманчивое предложение. В случае европейской войны и начавшегося восстания южных славян против Турции Россия и Австрия смогут приобрести совместный протекторат над Сербией и Герцеговиной, а также провозгласить Константинополь свободным городом¹³.

Однако Франц Иосиф отказался от подобного настойчивого предложения царя, а Буоль заметил, что Австрия и без того уже сдерживающим образом влияет на Константинополь¹⁴. В письме военному министру Францу Дьюлаи от 30 июня 1853 г. Буоль писал: «Император должен, как мне кажется, теперь признать, что он не сможет воевать против Турции без того, чтобы Англия и Франция не объединились в тесный союз *с целью* открытого противодействия; что Австрия в любом случае не вынет меч за религиозные и политические цели противоположные ее собственным, и вообще ее положение в Европе не может быть поставлено на карту из-за авантюрных проектов на Востоке, что, наконец, против этого несправедливого нападения более или менее открыто высказываются общественное мнение и все кабинеты»¹⁵ (курсив автора. – *Е. С.*). Приведенные суждения официального лица опровергают до сих пор часто встречающуюся точку зрения, что австрийская внешняя политика изначально носила экспансионистский характер. Напротив, Буоль и Франц Иосиф действовали как «реальные политики», осознавая, что принятие русского предложения неизбежно приведет к общеевропейской войне.

Хотя австрийцев чрезвычайно раздражала негибкая позиция обеих сторон, все же им казалось, что непосредственная угроза исходит именно от России. Даже в те времена, когда Россия сохраняла лояльность консервативному союзу Мюнхенгнца и ограничивала себя непрекращаемыми условиями этого договора, она представляла известную опасность для Австрии. Так, в своей решимости защитить экспорт южнороссийского зерна от румынской конкуренции Россия использовала свое право владельца с 1829 г. участка Дунайской дельты и свои позиции как защитницы Дунайских княжеств с 1829 г., чтобы затормозить ирригационные работы, направленные против обмеления рек, что привело к крайне убыточным последствиям важной для Австрии дунайской торговли¹⁶.

С вступлением России в Дунайские княжества в начале июля 1853 г. в Восточном кризисе наступила новая фаза, которая продолжалась почти до конца 1853 г. В этот период завершается отход Австрии от России. Попытки Буоля в эти месяцы достичь любыми способами компромисса и мирного разрешения Восточного кризиса доказывают, с каким терпением и настойчивостью действует первоначально Австрия. Естественно, что подобная политика была продиктована, прежде всего, жизненными интересами самой Дунайской монархии. Как реальный политик, Буоль слишком хорошо осознавал, что направленный против России военный альянс средиземноморских держав и Турции мог привести и Австрию к чрезвычайно тяжелому изолированному положению. Для Буоля, так же как и для Меттерниха, непрекращаемым правилом являлось то, что совместная работа Австрии с Россией не ставится под сомнение до тех пор, пока Россия не попытается изменить существующий *status quo* на Балканском полуострове в свою пользу. Миссия Меншикова и оккупация Дунайских княжеств стали доказательством для Австрии того, что Россия разрывала с политикой, которая прямо поддерживала *status quo*, с той политикой, на которой основывался австрийско-российский союз, начиная с Мюнхенгнца. В тот момент, когда Россия дала почувствовать султану свою силу, которой она располагала в Дунайских княжествах и которая пробудила беспокойство в западных балканских землях, возникла прямая угроза и стратегическому положению Габсбургской империи.

Вена отчаянно пыталась воспрепятствовать обострению положения, которое бы привело к настоящей войне между Россией и западными державами. Подобная война поставила бы Австрию перед выбором принять чью-либо сторону – выбор, для которого Австрия со своим уязвимым положением на Востоке и в Италии была плохо подготовлена. По этой причине Буоль был занят разработкой компромиссных предложений в рамках Священного альянса, которые бы позволили России отказаться от политики с позиции силы,

не потеряв лицо. Но все попытки Буоля оказались безуспешными. С одной стороны, ему создавали препятствия британцы, которые были настроены вытеснить Россию из Европы и с Востока, с другой стороны, сам царь, который, напоминая о своих заслугах перед Австрией в 1849 г., рассчитывал на безусловную поддержку со стороны Австрии. Николаем I предложения о компромиссе Буоля воспринимались как предательство Священного союза¹⁷.

Следует признать, что, взяв стратегический курс на разгром России в войне, правительства западных держав не сразу отказались от поисков иных путей урегулирования Восточного кризиса. Поэтому наряду с военными приготовлениями продолжалась и напряженная дипломатическая работа, в которой участвовала и Австрия. Наиболее известным проектом мирного урегулирования русско-турецкого конфликта летом 1853 г. стала так называемая «Венская нота».

В конце сентября – начале октября 1853 г. в Ольмюце, Варшаве и Потсдаме состоялись встречи царя с политическими лидерами Австрии и Пруссии¹⁸. Основной целью этих осенних встреч было, конечно, уяснение позиций Австрии и Пруссии. К этому времени царь начинает осознавать, что единство трех северных дворов являлось скорее желаемым, чем действительным. О безоговорочной поддержке обеими державами восточной политики России не могло быть и речи. Оккупация Дунайских княжеств была встречена без малейших признаков энтузиазма. Приходилось довольствоваться тем, что «несмотря на настоятельные требования морских держав, берлинский кабинет отказался протестовать». Венский же кабинет «запрашивал нас снова и снова о продолжительности оккупации», – так писал Нессельроде в годовом (1853 г.) министерском отчете¹⁹.

В Ольмюце Николай I думал привлечь Австрию новыми планами раздела Турции. Он опять говорил о Константинополе как о «вольном городе», предлагал Австрии западные Балканы и даже высказывал мысль о совместном с ней протекторате над Дунайскими княжествами, делая все, что было в его силах, чтобы нарушить солидарность «Европы». Ничто не могло больше встревожить Австрию, чем перспектива постоянно иметь русских на Дунае даже в качестве партнеров. Франц Иосиф сказал мрачно: «Нам придется поддерживать порядок в этих странах, а это неосуществимо»²⁰. Так как Восточный вопрос ожил, Священный союз превратился в не более чем призрак.

Развитие Восточного конфликта вынуждало Буоля в интересах Австрийской империи все сильнее дистанцироваться от России. Это будет подчеркнуто двумя актами: во-первых, провозглашением нейтралитета Германским союзом 10 ноября 1853 г. и, во-вторых, подписанием Венского протокола 5 декабря 1853 г. Венский протокол напоминал царю о его обещании не

разрушать неприкосновенность Турции и не ослаблять власть султана над его христианскими подданными. В то же время он снова призывал султана пойти на уступки христианам. Венский протокол являлся предложением: Австрия и еще более Пруссия соглашались на него с намерением предостеречь царя, что против него «вся Европа», но ни та, ни другая держава не имела в виду брать на себя обязательства действовать активно²¹. И снова Венский протокол не привел к мирному урегулированию конфликта.

В ночь с 3 на 4 января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Черное море и взяла «под защиту османский флаг и территорию». Это означало фактическое вступление в войну западных держав против России. Одновременно усиливается давление на Австрию с той и другой стороны, дабы заставить ее, наконец, определить свою позицию и окончательно принять чью-либо сторону в этом противостоянии.

После того как Венский протокол от 5 декабря 1853 г. не принес никакого прогресса в разрешении затянувшегося конфликта, в условиях усилившегося давления на Австрию Буоль 16 января 1854 г. представил императору верноподданный доклад о политических возможностях, которые предоставляет Австрии сложившаяся ситуация. В своем докладе он со всей ясностью возложил ответственность на русскую политику за то роковое развитие событий, которое принял Восточный кризис. Для Австрии, по мнению Буоля, теперь оставались три возможности, которые зависели от образа действий России:

1) если Россия в соответствии с постоянно повторяющимися обещаниями не перейдет Дунай, Австрия может остаться нейтральной;

2) если Россия перейдет Дунай, Австрия должна заявить о вооруженном нейтралитете и достичь соглашения с западными державами;

3) если Россия однозначно покажет, что намерена проводить экспансионистскую политику, Австрия должна будет заключить альянс с западными державами и выступить против России с оружием в руках²². Последняя возможность, впрочем, пока еще казалась Буолю маловероятной.

В конце января 1854 г. в Вену был отправлен один из любимцев русского императора – граф Алексей Федорович Орлов, для окончательного выяснения позиции Австрии. Официальным предложением путешествия А. Ф. Орлова являлась необходимость доставки в Вену новых русских условий урегулирования конфликта с Портой в связи с нотой, которую четыре державы (Англия, Франция, Австрия и Пруссия) адресовали Турции в декабре 1853 г.

Орлов передал Францу Иосифу предложение объявить о дружественном нейтралитете Австрийской империи в случае войны России с западными державами. Взамен Россия взяла бы на себя обязательство гарантировать неприкосновенность австрийских владений, в том

числе и Ломбардии, что было особенно важно. Кроме того, Австрии предлагалось в случае победы России в войне разделить с ней на равных правах протекторат над Сербией, Болгарией, Молдавией и Валахией. Император Франц Иосиф и венский кабинет сочли русские предложения невыгодными.

В конце концов император, военное руководство и министр иностранных дел Австрии пришли к выводу, что на фоне высокой степени готовности к войне следует активными политическими действиями пресечь экспансию России и ее проникновение на Балканы, стремясь попутно в рамках европейского концерта к усилению собственного влияния на территориях, находившихся в зоне контроля Османской империи. Австрийские интересы были устремлены в направлении устья Дуная и, таким образом, вступали в противоречие с интересами России. Россия разжигала национализм балканских народов, что было опасно в плане дестабилизации австрийской монархии и противоречило общей антиреволюционной тенденции ее политики. Эти соображения переплетались с «центральноевропейскими» целями Австрии, т. к. перенос основной направленности и австрийской, и общегерманской политики на юго-восток должен был способствовать повышению веса монархии Габсбургов в Германии и легитимизировать ее притязания на ведущую роль в Германском союзе²³.

Уже в конце марта 1854 г. Буоль в своих письмах убеждает Франца Иосифа: «Русско-турецкая война наносит ущерб жизненно важным интересам Австрии и принуждает к альянсу со средиземноморскими морскими державами»²⁴, и «Австрия, наряду с остальными державами, не может согласиться с исключительным преобладанием России на Востоке»²⁵.

Решение Австрии отказаться от консервативного союза с Российской империей будет иметь для нее долговременные стратегические последствия. Г. Киссинджер в своей работе «Дипломатия» пишет: «Так Австрия выбросила за борт Николая I и постоянную, прочную дружбу с Россией со времен наполеоновских войн. Безответственность, граничащая с паникой, заставила преемников Меттерниха отбросить наследие консервативного единения, которое накапливалось столь тщательно – порой болезненно – десятилетиями. В один миг Австрия сбросила с себя оковы общности ценностей, что также освободило от обязательств Россию, позволив ей вести свою собственную политику, основывающуюся исключительно на геополитических выгодах. Следуя подобным курсом, Россия вынуждена была резко разойтись с Австрией по поводу будущего Балкан и в свое время заняться попытками подрыва Австрийской империи»²⁶.

Вскоре выяснилось, что даже и в рамках традиционной для Европы «концертной» дипломатии сил Австрии недостаточно для того, чтобы занять

ключевую позицию и оттуда дирижировать заключением выгодного для нее мира, одновременно укрепив свои позиции на Востоке, в Германии и в Италии. Не став ведущими, Франц Иосиф и Буоль все больше превращались в ведомых и в конечном итоге стали жертвой более сильных держав, однако из этого урока не были сделаны правильные выводы.

Под влиянием французской дипломатии венский двор отказался связать себя обязательством остаться нейтральным в войне. Более того, австрийцы заявили о намерении содержать на границе с Дунайскими княжествами в тылу русской армии наблюдательный корпус, который и был снаряжен сразу же по отбытии царского посланца из Вены²⁷. Рассказывают, как только Николай узнал о том, что Орлов, дипломат ловкий и умелый, вернулся с пустыми руками, он повернул к себе висевший в его личных покоях портрет Франца Иосифа и в сердцах написал на оборотной стороне холста по-немецки «Du Undankbare» (неблагодарный)²⁸.

Обида и боль от «предательства» Австрией будут преследовать Николая Павловича до последних дней. 1 (13) июня 1854 г. он напишет Паскевичу: «Настало время готовиться бороться уже не с турками и их союзниками, но обратить все наши усилия против вероломной Австрии и горько покарать ее за бесстыдную неблагодарность»²⁹. И в другом письме от 3 (15) июля 1854 г.: «Меня всякий может обмануть *раз*, но зато после обмана я уже никогда не возвращаю утраченного доверия»³⁰ (курсив автора. – Е. С.). Наконец, в письме главнокомандующему Южной армией, князю М. Д. Горчакову, государь восклицал: «Бог накажет их (австрийцев. – Е. С.) рано или поздно!»³¹.

Австрия сумела преградить России дорогу на Балканы и к Константинополю, решившись на длительную вражду с державой, которая видела свое особое историческое призвание в освобождении христианских подданных от власти султана и в открытии турецких морских проливов. Едва ли австрийский император и его министр иностранных дел полностью отдавали себе отчет во всех тонкостях и возможных внешне- и внутривосточных последствиях проведения активной Восточной политики, острие которой неизбежно должно было быть направлено против России. В письме матери Франц Иосиф писал о своей Восточной политике и об отношениях с Россией так: «Вопреки всем политическим осложнениям, я не теряю мужества, и, по моему мнению, если мы будем действовать смело и энергично, то эта восточная заваруха сулит нам определенные выгоды. Наше будущее – на Востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательно незаметно для царя Николая, но верно мы доведем русскую политику

до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, а наш естественный противник на Востоке – Россия. Мы боимся революции, но мы в случае чего справимся с нею и без России... Прежде всего надо быть австрийцем, и безотносительно личности царя Николая, я радуюсь нынешней слабости России»³².

В Австрии одновременно велись оживленные споры о правильности избранного пути. Споры вызывал следующий вопрос: должна ли Австрия после утраты русской дружбы опираться на Центральную Европу или на западные державы? С этим вопросом тесно связана была и другая проблема: готова ли Австрия вступить непосредственно в войну с Россией на стороне западных союзников?

Немногие голоса в австрийских правящих кругах осмеливались выступать с робкими попытками протеста против официального внешнеполитического курса. Лидером этой ультраконсервативной партии был в первую очередь князь А. К. Виндишгрец. Граф Ф. Ф. Грюнне – первый адъютант императора Франца Иосифа на протяжении 1854–1855 гг. – выступал последовательным противником невыносимо высоких военных расходов³³. Ранее он слыл политиком, расположенным к России, и пока это было возможно, пытался оказывать влияние на своего государя в этом направлении.

Еще один противник официального курса фельдмаршал Гесс 10 ноября 1854 г. написал Францу Иосифу письмо, в котором убедительно высказался против наступательной войны, а вместе с тем и против военного противостояния с Россией. По его мнению:

«1. Австрия без сотрудничества с Пруссией и, в целом, с Германией не могла рассчитывать на гарантированный успех, а в случае поражения подверглась бы большей опасности, чем западные державы.

2. Европейская коалиционная война неизбежно приведет к значительному изменению status quo для воюющих стран.

3. Монархия в результате территориальных приращений – в противоположность своим западным союзникам – никогда не сможет увеличить вместе с тем и свою мощь»³⁴.

Противником официальной политики являлся и президент рейхсрата Карл Фридрих Кюбек, который полагал, что военный поход на Восток не только с политической точки зрения нежелателен, но и с точки зрения справедливости в высшей степени сомнителен, а с финансово-экономической точки зрения, и вовсе едва ли осуществим. Следовательно, войну можно принимать во внимание лишь в случае крайней необходимости, которая в данный момент ни в коем случае не грозит Австрии. Любые меры, которые имеют отношение к началу войны – как то мобилизация почти всей армии, должны приниматься лишь с учетом интересов государственных

финансов³⁵. Однако эти голоса едва ли достигали ушей Франца Иосифа.

Большинство в Австрии все же поддерживало избранный молодым австрийским императором и его министром иностранных дел курс. Австрийский генерал Антон фон Прокеш утверждал, что вступление Австрии в войну является естественным логическим следствием осуществлявшейся с марта 1854 г. политики³⁶. Министр внутренних дел Бах не уставал напоминать, что политика императора с начала 1854 г. как минимум не исключала войны с Россией, а возможно, даже предусматривала ее. Интересы империи и престиж ее императора требовали, чтобы этот выход и в будущем оставался открытым. Защита позиций Австрии на Востоке и установка на предотвращение революций в Европе могли сделать неизбежным выступление Австрии против России³⁷. Дипломатический корпус Монархии начиная с 1854 г. также рассматривал Россию как главного противника Австрии. Приписываемые Шварценбергу слова о неблагодарности, которая еще удивит мир, нашли при Буоле свое конкретное воплощение³⁸.

Стратегическая ошибочность курса Франца Иосифа и Буоля проявилась и в 1856 г. во время Парижского конгресса держав, который подвел итоги Крымской войны. Вопреки ожиданиям, в изоляции на нем оказалась не проигравшая Россия, а Австрия, не сумевшая извлечь никаких существенных выгод из своих дипломатических маневров двух предыдущих лет. Крымская война оставила Австрию без друзей. Россия, в свою очередь, приписывала свое поражение австрийской угрозе выступить на стороне западных противников. Наконец, Англия и Франция полагали, что Россия не стала бы воевать, присоединись к ним Австрия с самого начала.

Моментом истины стала Крымская война. «Священный альянс» двух держав окончательно рухнул под тяжестью противоречий вокруг Восточного кризиса. «Неблагодарность» Австрии больше никогда не будет забыта в Петербурге, а для Вены Россия из союзника и конкурента превратилась во врага. Впрочем, гнев России не сводился к эмоциональным словам и жестам ее императора: отныне в Петербурге считали Австрию своим главным соперником на юго-востоке Европы и делали все, чтобы нанести австрийским интересам максимальный ущерб – хотя из тактических соображений Россия и Австрия еще не раз заключали между собой различные соглашения. Тем не менее опрометчивые решения, принятые Францем Иосифом и Буолем, аукнутся Австрии 60 лет спустя. Путь к роковому для двух монархий столкновению 1914 г. начался в дни Крымской войны.

Примечания

¹ См.: Брандт Х.-Х. Франц Иосиф I Австрийский (1848–1916) // Шидлинг А., Циглер В. Кайзеры. Сер.

Исторические силуэты / пер. с нем. Ростов н/Д, 1997. С. 431.

² Там же. С. 432.

³ См.: Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1941; Виноградов В. Н. О личной ответственности императора Николая I за развязывание Крымской войны // Балканские исследования: материалы междунар. науч. конф. «Россия и славяне XVIII в. – 1918 г.» Вып. 15. М., 1992. С. 87–99; Маринин О. В. Венские конференции: Из истории дипломатической борьбы России на завершающем этапе Крымской войны (1855–1856) // Россия в XVIII–XX веках: К 50-летию научной и педагогической деятельности в МГУ проф. Н. С. Киняпиной / отв. ред. Л. В. Кошман. М., 2000. С. 142–177; Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 192–210; № 2. С. 139–152; История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999 и др.

⁴ Unckel B. Österreich und der Krimkrieg. Studien zur Politik der Donaumonarchie in den Jahren 1852–1856. Lübeck; Hamburg, 1969. S. 180, 244, 296.

⁵ Ibid. S. 294.

⁶ Heindl W. Graf Buol-Schauenstein in St. Petersburg und London (1848–1852). Zur Genesis des Antagonismus zwischen Österreich und Russland. Wien; Köln; Graz, 1970. S. 115–116.

⁷ См.: Тэйлор А. Дж. II. Борьба за господство в Европе. 1848–1918 / пер. с англ. М., 1958. С. 96.

⁸ Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Band 1. 27 Dezember 1852 bis 25 März 1854. München; Wien, 1980. Doc. № 275, 292, 317, 319.

⁹ Ibid. Einleitung. S. 20–21.

¹⁰ Ibid. Doc. № 98. S. 235.

¹¹ Ibid. Doc. № 76. S. 190–191.

¹² Ibid. Doc. № 111. S. 256–257.

¹³ Ibid. Einleitung. S. 23.

¹⁴ Ibid. Doc. № 12. S. 71.

¹⁵ Ibid. Doc. № 95. S. 228.

¹⁶ Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Im Auftrag der Kommission für die Geschichte der österreichisch-ungarische Monarchie (1848–1918) / Hrsg. A. Wandruzka. Wien, 1993. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. T. 1. S. 215.

¹⁷ Ibid. S. 214–215.

¹⁸ См.: Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 116.

¹⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.: Отчеты МИД. 1853 г. Л. 84.

²⁰ Тэйлор А. Дж. II. Указ. соч. С. 98.

²¹ Там же. С. 99.

²² Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Band 1... Doc. № 279. S. 510–512.

²³ Брандт Х.-Х. Указ. соч. С. 432–433.

²⁴ Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Band 1... Doc. № 393. S. 688.

²⁵ Ibid. Doc. № 393. S. 690.

²⁶ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 81.

- ²⁷ См.: История внешней политики России. Первая половина XIX века... С. 392.
- ²⁸ См.: Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990. С. 194.
- ²⁹ Татищев С. С. Указ. соч. С. 118.
- ³⁰ Там же. С. 119.
- ³¹ Там же.
- ³² Briefe Kaiser Franz Joseph I an seine Mutter 1838–1872. München, 1930. S. 232.
- ³³ Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Band 2. 30 März 1854 bis 9 September 1855. München ; Wien, 1980. Doc. № 204. S. 401–458.
- ³⁴ Ibid. Doc. № 256. S. 553–559.
- ³⁵ Ibid. Einleitung. S. 20–21.
- ³⁶ Ibid. Einleitung. S. 21.
- ³⁷ Ibid. Doc. № 263. S. 463.
- ³⁸ Ibid. Doc. № 3. S. 73.

Образец для цитирования:

Сироткина Е. В. Восточный вопрос, Крымская война и конец «Священного альянса» в австрийско-русских отношениях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 77–83. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-77-83.

Cite this article as:

Sirotkina E. V. The Eastern Question, the Crimean War and the End of the «Holy Alliance» in Austrian-Russian Relations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 77–83 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-77-83.
